

второй половинѣ литературной дѣятельности)—типы quasi—идеальные, какъ то-же олицетвореніе уже хорошихъ нравственныхъ приобрѣтеній самого автора (2-ая часть «Мертвыхъ душъ»; Пьеръ, Левинъ гр. Толстого)—это-то все и характеризуетъ литературную дѣятельность какъ Гоголя, такъ и Льва Толстого.

О послѣднемъ, вѣроятно, болѣе страннымъ будетъ это услышать, такъ какъ съ литературною дѣятельностью гр. Толстого вначалѣ и долго еще послѣ (вплоть до появленія «Исповѣди») привыкли всегда соединять творчество совершенно *объективное*, свободное и безъотносительное, его личныя отношенія къ воспроизводимымъ имъ типамъ считались вполне отрицательными, такъ что, въ конечномъ результатѣ, главнымъ содержаніемъ всей этой литературной дѣятельности могло быть—и было на самомъ дѣлѣ—признано «анализъ нравственной несостоятельности безхарактерныхъ героевъ («лишнихъ людей») интеллигентной среды»; при чемъ, надо замѣтить, графу Толстому въ особую заслугу предъ прежними авторами «лишнихъ людей» 40-хъ годовъ, ставили его особенное умѣнье «оттѣнить» эту «безхарактерность» противоположными качествами лицъ, взятыхъ изъ иной, болѣе здоровой, среды,—его постоянныя (опять таки, по мнѣнію критики, вполне «объективныя») противопоставленія, дѣлаемая имъ въ этомъ смыслѣ, благодаря чему и самое «отрицаніе» гр. Толстого будто-бы выигрывало въ неизмѣримой степени.

Но вотъ выведенъ былъ гр. Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ» Пьеръ—и это, казалось, должно бы было быть первымъ поводомъ къ тому, чтобы усомниться въ наличности у гр. Толстого приписываемыхъ ему критикою качествъ объективности и отрицательности по отношенію къ выводимымъ имъ безхарактернымъ героямъ.